

Мария РЯБОВА,
Даниил ТУМБУСОВ

ПОЛЬША И ФИНЛЯНДИЯ В ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ А. ТОЙНБИ

Аннотация

Исследование интеграционной политики Российской империи (XVIII – начало XX вв.) через концепцию «вызов-ответ» (А. Тойнби) раскрывает гибридную модель управления, сочетавшую автономию (сохранение языка, религиозной идентичности, местных законов в Финляндии и Царстве Польском) с поэтапной централизацией. На материале этих регионов показано, что империя адаптировалась к вызовам полиэтничности, балансируя между локальными институтами (финский сейм, польская судебная система) и административной унификацией, что обеспечивало устойчивость системы (лояльность элит, контроль территорий). Кризис конца XIX в., вызванный ростом национализма и внешнеполитическими вызовами (дипломатическая поддержка польского движения европейскими державами, угрозы территориальной стабильности в приграничных регионах), трактуется как фаза системного надлома: переход к жесткой унификации (ограничение финляндской автономии через Манифест 1890 г., ликвидация польских институтов

РЯБОВА Мария Михайловна – старший преподаватель кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета, Россия, Орехово-Зуево, email: ryabova_mm@mail.ru, SPIN-код: 9774-9810, ORCID: 0009-0000-9918-3545

ТУМБУСОВ Даниил Дмитриевич – ассистент кафедры истории и гуманитарных наук Государственного гуманитарно-технологического университета, Россия, Орехово-Зуево, email: tumbusov_daniil2002@mail.ru, SPIN-код: 3390-4369, ORCID: 0009-0000-1798-772

Ключевые слова: интеграционная политика Российской империи, концепция «вызов-ответ» (А. Тойнби), гибридная модель управления, автономия и централизация, полиэтничность

https://doi.org/10.48137/23116412_2025_4_104

в 1864–1867 гг.) нарушил равновесие, ускорив дезинтеграцию. Результаты, развивая подходы Дж. Бёрбанк и Ф. Купера к анализу имперских стратегий, позволяют переосмыслить интеграцию как процесс поиска устойчивости в условиях междивизиационного противостояния, выявляя цикличность баланса и надлома в качестве адаптационного механизма.

Введение

Современная историческая наука, преодолевая ограничения формационного подхода, обращается к цивилизационным моделям, акцентирующим нелинейность социальных процессов. Теория Арнольда Тойнби, изложенная в трудах «Постижение истории» и «Цивилизация перед судом истории», предлагает модель цивилизационной динамики, включающую: механизм «вызова-ответа», этапы роста, надлома и распада, а также концепцию цивилизационного антагонизма, где Россия позиционируется как наследница византийской традиции, противостоящей западному экспансионизму. Особое значение для данного исследования приобретает тезис Тойнби о «творческом меньшинстве» – элитах, способных формулировать адаптивные ответы на исторические вызовы.

Ключевое методологическое допущение исследования базируется на цивилизационной парадигме Арнольда Тойнби, в рамках которой интеграционные практики Российской империи интерпретируются как репрезентация ее ценностных оснований – византийского наследия и православной этики. Согласно Тойнби, эти элементы

формируют социальную память (по терминологии ученого), определяющую логику развития и консолидации цивилизации. Опираясь на тезис о «культурном синтезе» – способности цивилизации ассимилировать внешние влияния, сохраняя ядро идентичности, – данное допущение применяется для анализа механизмов управления этнокультурным разнообразием в имперском контексте.

Цель исследования заключается в изучении интеграционных практик Российской империи через призму методологии Тойнби, включая анализ политики в отношении автономных регионов (Финляндия, Царство Польское) в XIX веке. В фокусе внимания – выявление стратегий, посредством которых имперская власть отвечала на «вызовы» (по терминологии Тойнби), связанные с необходимостью управления полиэтническими территориями. Методологическая основа работы объединяет: категории цивилизационного подхода Тойнби («вызов-ответ», «культурный синтез», «надлом»), раскрывающие адаптацию институтов к внутренним и внешним кризисам; историко-генетический метод, направленный на

реконструкцию эволюции административных практик в контексте взаимодействия центра и периферии. Научная значимость исследования определяется его ориентацией на выявление уникальности российской имперской модели, где синтез традиционных ценностей и прагматических решений представляется альтернативой западноевропейской колониальной модели. Это позволяет не только углубить понимание исторической специфики России, но и проверить универсальность теории Тойнби применительно к неевропейским цивилизациям.

Источниковая база исследования объединяет эмпирические материалы и теоретические работы. К эмпирическим источникам относятся законодательные акты Российской империи (манифесты, регулирующие статус автономий), статистические материалы и ведомственные отчеты по развитию регионов, отражающие социально-экономическую динамику. Теоретико-методологическая основа включает концепции цивилизационных циклов А. Дж. Тойнби («вы-

зов-ответ», «надлом») [1, 2], подходы Дж. Бёрбэнк и Ф. Купера [3] к анализу имперских стратегий, а также исследования финских историков Х. Мейнандера [4], Т. Полвинена [5], О. Юссила, С. Хентиля, Ю. Невакиви [6], раскрывающие механизмы адаптации периферийных территорий в имперских системах. Результаты исследования синтезируют эти элементы: интеграция переосмыслена как циклический процесс поиска устойчивости в условиях противоречия между имперским центром и периферией, где баланс и надлом выступают в качестве адаптационного механизма». В этом ключе анализ российской политики в Финляндии, где автономия сосуществовала с имперской бюрократией, или в Царстве Польском, где попытки интеграции сопровождались сохранением элементов местного самоуправления, открывает перспективу для изучения механизмов, посредством которых централизация сочетается с адаптацией к локальным идентичностям в рамках цивилизационного синтеза, направленного на преодоление вызовов полиэтничности.

Результаты

Теория Арнольда Тойнби рассматривает развитие цивилизаций через диалектику «вызова-ответа», где вызовы (внешние или внутренние) стимулируют рост только при условии творческого ответа «созидающего меньшинства». Сохранение культурной идентичности обе-

спечивается не консервацией традиций, а их адаптацией через мимесис – добровольное подражание большинства новаторским идеям элиты. Однако чрезмерная жесткость социальной структуры или утрата гибкости ведут к надлому цивилизации. Эта теория была

изложена в его труде «Постижение истории», наиболее известном широкой публике [1, с.166]. В работе «Цивилизация перед судом истории: Мир и Запад» историк анализирует их взаимодействие через призму культурно-религиозного антагонизма, корнящегося в расколе христианского мира (1054 г.) и экспансии германских племен, разрушивших Западную Римскую империю [2, с.174]. Западную Европу он трактует как наследницу варваров, уничтоживших Римскую империю и стремившихся заменить ее лже-Римом – Священной Римской империей, вступавшей в конфронтацию с истинной наследницей греко-римской цивилизации – Империи Ромеев с центром в Константинополе. Россию же Тойнби рассматривает как преемницу Византии, чья идентичность формировалась в противоречивом диалоге с Западом, сочетая заимствования и сопротивление.

Применяя подход Тойнби, можно интерпретировать интеграционные стратегии Российской империи как ответ на системные вызовы – геополитические, культурные и экономические. Согласно теории британского философа, экспансия цивилизации становилась инструментом преодоления кризисов через ассимиляцию или адаптацию периферийных обществ. В случае России это проявилось в двух основных моделях: добровольное присоединение по инициативе локальных элит, обусловленное внешнеполитическими угрозами (напр., просьба Картли-Кахетинского цар-

ства (Грузия) о протекторате в 1801 г., поддержанная частью знати, но встретившая сопротивление других групп, что привело к восстаниям 1812–1813 гг.) и принудительную инкорпорацию, вызванную необходимостью нейтрализации внешних и внутренних угроз (напр., Финляндия, перешедшая к России по Фридрихсгамскому миру 1809 г. после русско-шведской войны 1808–1809 гг.; Польша – инкорпорация по итогам разделов Речи Посполитой (1772–1795) и Венского конгресса (1815 г.), когда к России отошла большая часть Герцогства Варшавского, преобразованного в Царство Польское). Каждая из этих моделей отражала специфический ответ на угрозы.

Присоединение Картли-Кахетинского царства (1801 г.) к России иллюстрирует модель «аффилиации» (добровольного союза под давлением внешних угроз) – перед угрозой персидско-османских вторжений грузинские элиты добровольно искали защиту империи. Однако централизация, налоговая и административная реформы столкнулись с традиционными структурами (княжеские вольности, церковная автономия), вызвав восстания 1812–1813 гг. – пример «надлома», когда игнорирование локальной специфики провоцирует кризис. В ответ на восстание имперские власти частично пересмотрели политику: в 1814 г. были восстановлены ограниченные привилегии Грузинской православной церкви, а также смягчен фискальный режим для местной знати. Ин-

теграция автономных регионов, таких как Финляндия и Царство Польское, строилась на сочетании формальных уступок (сохранение элементов местного самоуправления, религиозных и правовых норм) с поэтапной административной унификацией. Оба примера отражают имперский прагматизм, балансирующий между цивилизационной риторикой и стратегической необходимостью. При этом степень учета локальных особенностей напрямую влияла на устойчивость интеграции: в Финляндии сохранение шведского законодательства и лютеранской конфессии способствовало относительной стабильности, тогда как в Царстве Польском жесткая унификация после 1831 г. усилила центробежные тенденции.

В период шведского правления (XIII – начало XIX вв.) финские территории подвергались интенсивной этнокультурной ассимиляции, что препятствовало формированию отдельной национальной идентичности. Первым шагом к изменению статуса Финляндии стал Манифест Александра I от 5 июня 1808 года, изданный еще в ходе Русско-шведской войны (1808–1809). В нем император декларировал сохранение региональных особенностей: «Под сению престола Нашего покоятся многочисленные народы, судьбы их равно сердцу Нашему драгоценны; вступив в состав Империи Нашей, вы приобрели тем самым равные права с ними. Сверх древних установлений, страны вашей собственных и свято Нами хранимых,

новое поле вашей деятельности и трудолюбию открывается» [7].

Ключевым этапом в становлении финской национально-государственной идентичности стал Боргоский сейм (швед. *Lantdagen i Borgå*), проходивший в г. Порвоо (Борго) с 10 марта по 19 июля 1809 года. На нем Александр I подтвердил автономный статус региона, заложив правовые основы формирования финской государственности. Как подчеркивают финские историки, именно тогда «родилось национальное государство, которое было отделено от Швеции, но не поглощено Россией» [6, с. 25]. Окончательное юридическое оформление присоединения Финляндии к России произошло 17 сентября 1809 года с подписанием Фридрихсгамского мирного договора, завершившего Русско-шведскую войну (1808–1809).

Основой политики Российской империи в отношении Великого княжества Финляндского (ВКФ) после его присоединения стало поддержание традиционных институтов самоуправления. Это позволило финскому населению сохранить шведское законодательство, лютеранскую веру и систему сословного представительства, что способствовало стабильности региона. Четырехсословный сейм, восходящий к шведской эпохе, формально оставался высшим органом власти, однако перерыв в его созыве (1809–1863 гг.) объяснялся необходимостью адаптации административного аппарата к новым условиям после включения княжества в состав империи. Управление

осуществлялось через Сенат ВКФ, учрежденный в 1816 году, члены которого назначались императором из числа финско-шведской элиты. Это обеспечивало преемственность с прежним правовым порядком: применение шведского Уложения 1734 года минимизировало правовые конфликты. Важным шагом в правовом развитии Великого княжества Финляндского стала первая кодификация законов, осуществленная в рамках автономного статуса региона под верховной властью российского императора. Изданный в 1889 году Уголовный кодекс Финляндии, разработанный с учетом местных правовых традиций и общеимперских норм, с изменениями сохраняет юридическую силу на территории страны по настоящее время.

Финансовая система Великого княжества Финляндского (ВКФ), развивавшаяся в балансе между региональными и общеимперскими интересами, стала основой экономического роста. В 1860 году введение финской марки, привязанной к рублю (1:4), упростило торговлю с другими регионами России, а сохранение таможенной автономии (до 1910 года) защищало местную промышленность. Отмена шведских меркантилистских законов и доступ к общероссийскому рынку стимулировали индустриализацию: если в 1840 году в Финляндии действовало 40 предприятий (преимущественно суконных мануфактур) [8, с. 80], то к 1914 году их число достигло 4 086, а количество занятых рабочих – 102 874 человек

[9, с. 181]. Ключевыми отраслями стали деревообработка, целлюлозно-бумажная и металлургическая промышленность. Инфраструктурное развитие, включая открытую в 1862 году железную дорогу Гельсингфорс (Хельсинки) – Тавастгус, ускорило интеграцию региона. Участие ВКФ в финансировании общеимперских проектов, таких как модернизация Свеаборгской крепости, отражало стратегическую взаимозависимость: укрепление обороны Балтики отвечало интересам как княжества, так и империи.

Военная система Великого княжества Финляндского (ВКФ) до 1901 года базировалась на автономных подразделениях, таких как Финляндский драгунский полк и стрелковые батальоны, созданные по Уставу 1878 года. Эти части комплектовались финскими призывниками, служившими 3 года вместо общеимперских 6 лет, с льготами для крестьян (например, освобождение в неурожайные годы). В документации и командовании использовался шведский язык, а устав адаптировался к местным традициям. Участие в общеимперских кампаниях (например, подавление Польского восстания 1863 года) осуществлялось в рамках экстренных мер, что являлось ответом на чрезвычайные обстоятельства, а не системной практикой. После упразднения автономии в 1901 году финнов начали призывать в общеимперские части, что вызвало массовое сопротивление: 58% призывников не явились

в 1902 году, 38% – в 1903-м, 22% – к 1904-му [10, с. 239].

Реформа 1899 года, выраженная в «Февральском манифесте», стала ответом на вызовы времени. Рост финского национального движения, угрожавший сепаратизмом (как в Царстве Польском), и противоречия между законами ВКФ и общеимперскими нормами (особенно в таможенной сфере) требовали унификации законодательства. Усиление Германии и стратегическая уязвимость Финляндии (близость к Петербургу) диктовали необходимость консолидации для оперативного реагирования на внешние угрозы. Ключевым фактором конфликта стало сближение финской элиты с Европой, что создавало риск использования княжества как плацдарма против России. Как отмечал историк Хенрик Мейнандер: «манифест вызвал возмущение финской общественности, вера которой в государственно-правовую автономию княжества во второй половине XIX в. усилилась – по мере развития гражданского общества в Финляндии, а также в связи с интенсификацией связей с Западом» [9, с. 127].

Анализ языковой политики Российской империи в ВКФ демонстрирует баланс между административной унификацией и сохранением региональной автономии. После присоединения к России в 1809 году ВКФ сохранило особый правовой статус: шведский (язык элиты) и финский (с 1863 г. – официальный, по указу Александра II) остались основой местного управ-

ления. Активное внедрение русского языка в высшее делопроизводство началось лишь в 1890-х годах, став частью политики административной унификации, направленной на укрепление контроля над автономными регионами в условиях роста национальных движений.

Усиление централизаторской политики Российской империи в Великом княжестве Финляндском (ВКФ) к концу XIX века, включая деятельность генерал-губернатора Н.И. Бобрикова (1898–1904) и Манифест 1900 года [10] о введении русского языка в официальную переписку с Петербургом, обострило конфликт с финскими элитами. Несмотря на сохранение элементов компромисса (дублирование документов переводчиками, трехязычные доклады о положении ВКФ), Февральский манифест 1899 года и закон о воинской повинности 1901 года спровоцировали социально-политический кризис. Радиализация общества привела к убийству Бобрикова (1904 г.) [11, с. 479-480], росту финского национализма (движение «фенноманов») и сотрудничеству части финнов с российскими революционерами. Всеобщая забастовка 1905 года вынудила власти временно восстановить автономию ВКФ, но после 1908 года курс на централизацию возобновился. Провозглашение независимости Финляндии в 1917 году стало следствием системного кризиса империи, усугубленного Первой мировой войной: паралич центральной власти после Февральской революции, оккупация

Аландских островов Германией (1918 г.) и радикализация финского Сената.

Если в Финляндии политика империи балансировала между автономией и унификацией, то присоединение земель Речи Посполитой потребовало иных подходов. Инкорпорация территорий с глубоким этноконфессиональным дуализмом – полонизированной католической элитой, противостоящей православному восточнославянскому крестьянству, – и наследием Брестской унии 1596 г. ставила перед Россией задачу интеграции регионов, исторически связанных с древнерусской государственно-стью, но веками развивавшихся в рамках иной политико-культурной модели. Включение земель Великого княжества Литовского, Правобережной Украины и Курляндии усилило полонизацию аристократии: магнаты (Радзивиллы, Сапегы, Потоцкие) перенимали польский язык, католицизм и шляхетские традиции, углубляя социокультурный разрыв с основной массой населения.

При этом, согласно Тойнби, цивилизации гибнут, когда «правлящее меньшинство» (в данном случае – шляхетская элита) утрачивает способность к консолидации общества и переходит к «вульгаризации» [1, с. 297]. К XVIII в. Речь Посполитая, ослабленная институтом «Золотой вольности» (*liberum veto*, право единоличного вето в сейме) и междоусобицами магнатов, превратилась в объект геополитического соперничества. Российская империя, ис-

пользуя доктрину защиты православного населения, обосновывала свои территориальные претензии историческим правом на «возвращение исконных земель», что отражено в манифесте Екатерины II от 1793 г.: «Ее Императорское Величество всегда взирала на те притеснения, которым земли и грады... единоплеменниками Ее населенные... православною Христианскою верою просвещенные... подвержены были» [12]. Однако, как подчеркивает Тойнби, территориальная экспансия не всегда приводит к подлинной интеграции. Социокультурный разрыв между полонизированной элитой и православным крестьянством, унаследованный Российской империей, стал «миной замедленного действия», проявившейся в восстаниях 1830-1831 и 1863-1864 гг.

Включение польских территорий в состав Российской империи после Венского конгресса 1815 года стало частью сложного процесса интеграции новых регионов. Царству Польскому, в отличие от других территорий, была предоставлена Конституция 1815 года, которая сохранила элементы правовой системы Речи Посполитой, включая принцип *Neminem captivabimus* – гарантию неприкосновенности шляхты без судебного решения. Этот шаг отражал стремление Александра I к поиску баланса между имперскими интересами и особенностями польской политико-правовой традиции. Царство Польское в составе Российской империи обладало собственными административными институтами,

Сеймом и армией, однако ключевые вопросы внешней политики и безопасности оставались в ведении Санкт-Петербурга.

Экономический подъем Царства Польского в XIX веке стал частью стратегии Российской империи по укреплению взаимосвязанности регионов. После Венского конгресса 1815 года имперские власти предприняли меры для стимулирования промышленности, включая льготные таможенные тарифы на сырье и привлечение иностранных инвестиций. Эти шаги способствовали созданию динамичных промышленных центров, среди которых выделялся Лодзь, получивший в 1820 году статус фабричного округа. К концу столетия город превратился в ведущий текстильный кластер с участием немецких и французских предпринимателей (фабрики Гейров, Шейблера), а развитие инфраструктуры, включая строительство железной дороги в 1865 году, ускорило интеграцию региона в общеимперскую экономику. Параллельно развивались другие города: Жирардув, основанный в 1830-х годах французскими промышленниками, стал центром производства шерстяных тканей; Варшава, сосредоточившаяся на металлургии и машиностроении, демонстрировала успехи благодаря государственной поддержке предприятий, таких как завод «Лильпоп, Рау и Левенштейн» (1842 г.), выпускавший продукцию для железных дорог. К началу XX века индустриализация привела к урбанизации, сопровождавшейся социаль-

ными вызовами, характерными для эпохи промышленного роста.

Изначально предоставление Царству Польскому автономии (собственный Сейм, армия) стало примером гибкого подхода Российской империи к управлению регионами. Однако события 1830–1831 годов (Ноябрьское восстание), совпавшие с революционными потрясениями в Европе, включая Июльскую революцию 1830 года во Франции, вынудили империю пересмотреть политику. После подавления восстания манифестом Николая I «О новом порядке управления Царством Польским» (1832 г.) [13] автономия была ограничена: отменена Конституция 1815 года, дарованная Александром I, упразднен Сейм, а введенный «Органический статут» интегрировал регион в общеимперскую административную систему. При этом, как отмечал исследователь имперской политики в Царстве Польском О. Р. Айрапетов: «русская политика в Царстве с 1858 г. представляла собой цепь последовательных уступок, ведущих к восстановлению de facto целого ряда положений конституции 1815 г... Военное присутствие России в Варшаве сократилось. Несмотря на официальный статус русского языка, в публичной сфере доминировал польский, а общество сохраняло культурную автономию без системной дискриминации» [14, с. 14]. Однако эти меры, призванные стабилизировать ситуацию, не устранили глубинных противоречий. Напротив, они создали иллюзию возможного компромисса, что лишь

усилило ожидания польской элиты, стремившейся не к умеренным реформам, а к полной ревизии геополитических итогов разделов Речи Посполитой.

Январское восстание 1863–1864 годов в Царстве Польском стало кульминацией системного кризиса, вызванного взаимодействием национальных, социальных и внешнеполитических факторов. Противоречия между стремлением польской аристократии к ревизии геополитических итогов разделов Речи Посполитой (в 1860 г. из 4,8 млн жителей Царства Польского 3,2 млн составляли поляки) [14, с. 16], социально-экономическим кризисом (включая проблемы аграрного сектора: малоземелье, феодальные повинности и отсутствие крестьянской собственности на землю) и политикой усиления централизации региона привели к эскалации конфликта. Внешнеполитический контекст усилил напряженность: Франция и Великобритания, стремясь ослабить Россию после Крымской войны, поддерживали польских эмигрантов дипломатически (нота 1863 г.), а Австрия тайно поставляла оружие через Галицию. Однако отсутствие прямой военной интервенции лишило повстанцев реальной внешней опоры. Как отмечал О. Р. Айрапетов, ссылаясь на отчеты III отделения, «Парижский польский комитет, действуя в координации с лондонскими единомышленниками, разработал операцию по доставке оружия на Балтику, включавшую поставки пороха, оружия и добровольцев на пароходе

«Уорд Джексон», груз которого включал 600 бочек пороха, 3 нарезных орудия, 1 200 карабинов, 2 000 сабель, а также 300 добровольцев» [14, с. 73].

К системным проблемам аграрной сферы относились сохранение помещичьих латифундий, малоземелье крестьянства, вызывавшая недовольство крестьян система выкупных платежей и контроль шляхты над ресурсами, тормозивший модернизацию. Интеграция региона в имперскую систему, сопровождавшаяся поддержкой православия, усиливала конфликт идентичностей: католическая церковь активно участвовала в восстании, а папа Пий IX «публично крайне жестко осуждал ответные репрессивные действия русских властей, упрекая их в преследовании католицизма» [14, с. 73]. Повстанцы пытались перехватить инициативу: «Временное Правительство Литвы и Белоруссии» в манифесте от 20 января (1 февраля) 1863 г. обещало крестьянам землю «без выкупа» и свободу «как потомственной шляхте», угрожая военным судом за неподчинение. Однако эти меры сочетались с жесткой практикой: приказ от 11 июня 1863 г. предписывал «вести на виселицу» сопротивляющихся [14, с. 56–57]. Реквизиции продовольствия силой, в отличие от имперских войск, плативших за изъятое, подрывали даже помещичью лояльность. Таким образом, восстание отразило комплекс противоречий, где имперская политика, аграрный кризис и внешнее вмешательство взаимно усугубляли конфликт, а ра-

дикализм методов повстанцев консолидировал против них различные социальные группы.

Подавление восстания строилось на дифференцированном подходе. В отношении крестьян, вовлеченных в мятеж «посредством дезинформации» (Манифест Александра II от 1 марта 1863 г.), применялись смягченные меры, включая амнистию для сложивших оружие [15]. Власти апеллировали к обнаруженной инструкции Центральному комитету в Варшаве от Главного Революционного Комитета в Лондоне относительно способов ведения восстания, где ключевым тезисом было – употреблять всевозможные средства для возмущения офицеров, крестьян и в особенности старообрядцев: «распускать слухи о том, что Франция, Англия и Шве-

ция идут войной, что Государь обещал снова закрепить крестьян и не отдавать им никогда земли, ... разноверцев силою приводить в православие... Раскольников возмутить, чтобы они воспользовались восстанием Польши для восстановления древней религии...» [16, с. 430]. Это позволило трактовать участие низов как результат манипуляций. Одновременно репрессии против элит были жесткими: казни лидеров (Р. Траугутт, Ю. Точиский, Р. Краевский, и др.), конфискация имений и массовые ссылки демонстрировали решимость подавить сопротивление. Сочетание аграрных реформ 1864 г. (укрепление лояльности крестьян) и устрашения элит раскололо антиимперскую коалицию, минимизировав социальную базу восстания.

Заключение

Интеграционная политика Российской империи в XIX веке в отношении Польши и Финляндии отражала сложный баланс между региональной автономией и имперской унификацией. Предоставление особого статуса, предполагавшего правовые преференции и сохранение локальных институтов, изначально служило инструментом стабилизации, вовлекая местные элиты и снижая риски эскалации напряженности. Однако циклы усиления централизации, спровоцированные восстаниями и усугубленные вмешательством европейских держав, привели к радикализации общества

и росту сепаратистских настроений. Эти процессы, рассмотренные через призму идей Арнольда Тойнби, трактовавшего кризисы империй как следствие неспособности элит адекватно отвечать на вызовы времени – будь то внутренние противоречия или внешнее давление, – демонстрируют взаимосвязь между жесткой унификацией и дестабилизацией. Исторический опыт Российской империи сохраняет актуальность в контексте современных вызовов, связанных с управлением многонациональными обществами. Согласно подходу Тойнби, устойчивость государства зависит от его

способности к творческой адаптации, сочетающей институциональное единство с учетом культурной специфики. Уроки XIX века подчеркивают необходимость гибких

управленческих моделей, открытого диалога с регионами и нейтрализации внешних дестабилизирующих факторов, способных усилить внутренние противоречия.

Список литературы

1. Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник / сост. А. П. Огурцов; вступ. ст. В. И. Уколовой; заключ. ст. Е. Б. Рашковского. Москва: Прогресс. 1990. 730 с.
2. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ. 2011. 318 с.
3. Burbank J., Cooper, F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton University Press. 2010. 512 p.
4. Мейнандер Х. История Финляндии: линии, структуры, переломные моменты / Хенрик Мейнандер; пер. со швед. З. Линден. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Весь Мир. 2016. 237 с.
5. Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904 гг. СПб.: Европейский Дом. 1997. 318 с.
6. Юссила О. Политическая история Финляндии 1809–2009: монография / О. Юссила, С. Хентия, Ю. Невакиви; ред. Л. М. Крюкова; пер. с фин. Ю. С. Дерябина. 2-е изд., измен. и доп. Москва: Весь Мир. 2010. 471 с.
7. Манифест о присоединении Финляндии от 5 (17) июня 1808 г. // URL: <https://hrono.ru/dokum/manif1808.html> (дата обращения: 29.09.2025).
8. Рейн Г. Статистический очерк Великого Княжества Финляндии / Г. Рейн. – Гельсингфорс: тип. Г.О. Васениуса. 1840. 201 с.
9. Статистический ежегодник Финляндии: Новая серия. 1914 / Центральное статистическое бюро. Гельсингфорс (Хельсинки): [б. и.], 1915. XXXI. 649 с.
10. Высочайший Манифест о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского. 7(20) июня 1900 г. // Оpubл.: ПСЗРИ. Т. XX. Отд. 1. 1900. СПб., 1902. Ст. 18772.
11. Бобриков Н.И. // Нива. 1904. № 24. 12 (25) июня. С. 479-480.
12. Манифест генерал-аншефа Кречетникова, объявленный по высочайшему повелению в стане российских войск при Полонно О присоединении польских областей к России. Б.м., 1793 // URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_74864/ (дата обращения: 27.09.2025).

13. Манифест о новом порядке управления и образования Царства Польского от 14 февраля 1832 г. // URL: <https://hrono.ru/dokum/1800dok/1832polon.php?ysclid=mg5lt989ke53687410> (дата обращения: 29.09.2025).

14. Айрапетов О. Р. Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XV: Польское восстание 1863 года / ред.-сост. М. А. Колеров [и др.]. М.: Модест Колеров. 2013. С. 7-139.

15. Высочайший манифест о всемилостивейшем даровании полного и совершенного прощения вовлеченным в мятеж в Царстве Польском от 31 марта (12 апреля) 1863 г. // URL: https://russportal.ru/index.php?id=russia.manifest1863_03_31_01&ysclid=mg5моес04758325575 (дата обращения: 27.09.2025).

16. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: Ч. 1-2. Переписка о военных действиях с 10-го января 1863 года по 7-е января 1864 года. Вильна. 1915. 466 с.

RYABOVA Maria M. – Senior Lecturer, Department of History and Humanities, State University of Humanities and Technology, Russia, Orekhovo-Zuyevo, email: ryabova_mm@mail.ru

TUMBUSOV Daniil D. – Assistant Lecturer, Department of History and Humanities, State University of Humanities and Technology, Russia, Orekhovo-Zuyevo, email: tumbusov_daniil2002@mail.ru

Keywords: Russian Empire, integration policy, autonomy, centralization, multiethnicity, hybrid governance, Toynbee's challenge-response theory

POLAND AND FINLAND IN THE INTEGRATION POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE CONTEXT OF A. TOYNBIE'S CONCEPT

Abstract

The study of the integration policy of the Russian Empire (18th – early 20th centuries) through the lens of the “challenge-response” concept (A. Toynbee) reveals a hybrid governance model that combined autonomy (preservation of language, religious identity, and local laws in Finland and the Kingdom of Poland) with gradual centralization. Using these regions as case studies, the research demonstrates that the empire adapted to the challenges of multiethnicity by balancing local institutions (the Finnish Diet, the Polish judicial system) with administrative unification, thereby ensuring systemic stability (elite loyalty, territorial control). The late 19th-century crisis, driven by rising nationalism and external geopolitical pressures (diplomatic support for the Polish movement by European powers, threats to territorial stability in border regions), is interpreted as a phase of systemic breakdown: the shift toward rigid unification (restrictions on Finnish autonomy via the 1890 Manifesto, abolition of Polish institutions in 1864–1867) disrupted equilibrium, accelerating disintegration. The findings, building on J. Burbank and F. Cooper's approaches to analyzing imperial strategies, reinterpret integration as a process of seeking stability amid civilizational confrontation, highlighting the cyclicity of balance and breakdown as an adaptive mechanism.

References

1. Toynbee A. J. A Study of History: a collection / compiled by A. P. Ogurtsov; with an introductory article by V. I. Ukolova; with a concluding article by E. B. Rashkovsky. Moscow: Progress. 1990. 730 p.
2. Toynbee A. J. Civilization on Trial. The World and the West. Moscow: AST: Astrel; Vladimir: VKT. 2011. 318 p.
3. Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton University Press. 2010. 512 p.
4. Meinander H. The History of Finland: Lines, Structures, Turning Points / Henrik Meinander; translated from Swedish by Z. Linden. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Ves' Mir. 2016. 237 p.
5. Polvinen T. The State and the Outskirts. N. I. Bobrikov – Governor-General of Finland, 1898-1904. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom. 1997. 318 p.
6. Jussila O. The Political History of Finland 1809–2009: a monograph / O. Jussila, S. Hentila, J. Nevakivi; edited by L. M. Kryukova; translated from Finnish by Y. S. Deryabina. – 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Ves' Mir. 2010. 471 p.
7. The Manifesto on the Annexation of Finland dated June 5 (17), 1808 // URL: <https://hrono.ru/dokum/manif1808.html> (accessed: 29.09.2025).
8. Rein. G. A Statistical Sketch of the Grand Duchy of Finland / G. Rein. Helsingfors: printed by G. O. Vassenius. 1840. 201 p.
9. Statistical Yearbook of Finland: New Series... 1914 / Central Statistical Bureau. – Helsingfors (Helsinki): [n. p.]. 1915. XXXI. 649 p.
10. The Supreme Manifesto on the Introduction of the Russian Language in the Proceedings of Some Administrative Bodies of the Grand Duchy of Finland. June 7 (20), 1900 // Published: PSZRI. Vol. XX. Part 1. 1900. St. Petersburg. 1902. Art. 18772.
11. Bobrikov N. I. // Niva. 1904. No. 24. June 12 (25). Pp. 479-480.
12. The Manifesto of General-in-Chief Kreshchetnikov, Declared by the Highest Order in the Camp of the Russian Troops at Polonno «On the Accession of the Polish Regions to Russia». 1793 // https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_74864/ (accessed: 27.09.2025).
13. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire, compiled by the command of Emperor Nicholas Pavlovich. Second Collection. Volume VII. 1832. St. Petersburg. 1833. 1414 p.
14. Airapetov O. R. The Kingdom of Poland in the Policy of the Empire in 1863–1864 // Russian Collection: Studies on the History of

Russia. Vol. XV: The Polish Uprising of 1863/ ed. comp. M. A. Kolerov [et al.]. Moscow: Modest Kolerov. 2013. Pp. 7-139.

15. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. St. Petersburg. 1866. Vol. 38. 1863. First Division. No. 39443. Pp. 290-291.

16. Archival materials of the Muraviev Museum relating to the Polish uprising of 1863-1864 in the North-Western Territory: Parts 1-2. Correspondence on military operations from January 10. 1863 to January 7. 1864. Vilna. 1915. 466 p.

Статья поступила в редакцию 9.10.2025.

Принята к публикации 28.10.2025.